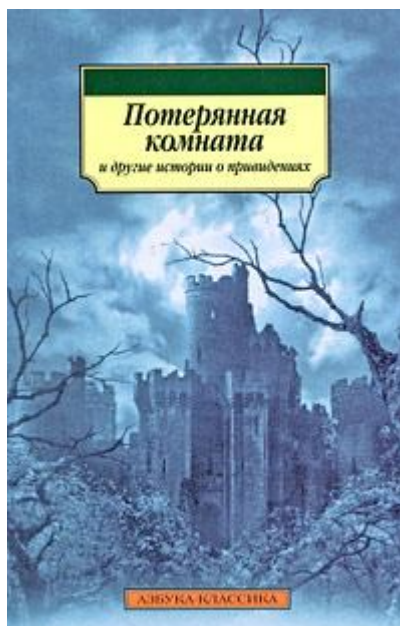

Артур Грей Подлинная история Энтони Ффрайара

Артур Грей ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ЭНТОНИ ФФРАЙАРА

Мир не знает своих героев – сказал кто-то. Вот и наш кембриджский микрокосм: едва ли мы хорошо осведомлены обо всех великих покойниках, кого видели стены местных колледжей. Кто из нас слышал об Энтони Ффрайаре из Джизус-колледжа? История о нем умалчивает. Между тем, если бы не прискорбное происшествие, безыскусный пересказ которого приводится ниже, он мог бы сравняться славой с Бэконом из Тринити¹ или Гарвеем из Киза². *Те* дожили до старости, Ффрайар же умер на третьем десятке, не завершив свой труд и не снискав известности даже у современников.

Письменные свидетельства его земных трудов скудны: несколько раз он упоминается в бухгалтерских книгах, указаны даты матрикуляции и получения ученых званий в регистрах колледжа, имеется дата его погребения в книге церкви Всех Святых. Дабы стало ясно, чего лишилось человечество из-за его ранней смерти, рискну дополнить эти незамысловатые сведения несколькими более или менее предположительными подробностями. Пусть читатели судят сами, превысил ли я в своих домыслах меру разумного и вероятного.

Энтони Ффрайар был зачислен в колледж в 1541/42 учебном году, когда ему было пятнадцать или шестнадцать. Звание бакалавра искусств получил в 1545 году, магистра – в 1548-м. К концу 1547 года вошел в совет колледжа, а летом 1551 умер. Таковы факты, зафиксированные в документах. Срок членства Энтони Ффрайара в совете совпал с пребыванием на посту главы колледжа доктора Рестона. Он умер в тот же год, что и Ффрайар. Комната, отведенная Ффрайару как члену совета, находилась на втором этаже у

¹ ...с Бэконом из Тринити... – Английский государственный деятель, эссеист и философ Френсис Бэкон (1561–1626) учился в Тринити-колледже Кембриджского университета в течение двух лет (с 1573).

² ...Гарвеем из Киза. – Уильям Гарвей (1578–1657), английский естествоиспытатель и врач, открывший кровообращение, был принят в Киз-колледж Кембриджского университета в мае 1593 г., в 1597 г. получил звание бакалавра и покинул Кембридж в октябре 1599 г.

западного конца Капеллы. Лестницу позднее присоединили к квартире ректора, но дверь, что вела к ней из галереи внутреннего двора, существует до сих пор. Во времена Ффрайара ближайший неф Капеллы использовался в качестве приходской церкви, окна его выходили на кладбище, называвшееся тогда кладбищем Джизус-колледжа; ныне оно относится к ректорскому саду.

Ффрайар, разумеется, имел священнический сан: в те дни члены совета чуть ли не поголовно были священниками. Из этого, однако, не следует, будто он занимался теологией или воспринимал свой сан иначе чем необходимую формальность. Он поступил в Кембридж вскоре после утверждения Шести статей и разгона монастырей³; сделался членом совета – в суровую протестантскую эпоху протектора Сомерсета⁴; причем ректор и члены совета неприкрыто симпатизировали догмам и ритуалам старой веры. Тем не менее, как мне представляется, Ффрайар не интересовался религиозным противоборством и никоим образом в нем не участвовал. Предположу, что он был человеком довольно замкнутым, ненасытным в своих исследованиях природы; всецело отдав себя «новой науке», зародившейся в Кембридже во времена Реформации, он отодвинул человечество на второй план.

Называя Ффрайара алхимиком, я прошу вас учесть, что в середине шестнадцатого века на этой науке еще не лежало клеймо легковерия и обмана. Алхимия была подлинной наукой, и ее изучали в университете точно так же, как в наши дни изучают производные от нее дисциплины – физику и химию. Устремления алхимиков относились к области метафизики, однако методы использовались строго научные. Ффрайар не был визионером, он твердо стоял на позициях логики и прагматики. Алхимией он занялся не ради богатства или славы и не с целью осчастливить человечество. Им руководила необоримая страсть к научным исследованиям, страсть, иссушающая все прочие чувства. В противоположность иным, не столь научного склада алхимикам, что одержимы идеей философского камня или эликсира жизни, Ффрайар обладал холодным умом агностика. И мысли, и труды он целиком посвятил поискам «магистерия» – панацеи от всех человеческих недугов.

Над этой задачей он четыре года неутомимо трудился у себя в лаборатории. Не единожды цель казалась близка, но в последний миг ускользала; не единожды исследователь готов был отчаяться, признав ее недостижимой. Летом 1551 года Ффрайар приблизился к открытию вплотную. Он не сомневался в успехе, требовалось только экспериментальное подтверждение. Вслед за уверенностью в его сердце поселилась новая страсть: сделать свое имя столь же славным в медицине, сколь славны имена Галена и Гиппократ⁵. Оставались дни – даже часы – до обнародования открытия, которое взбудоражило бы весь мир.

³ ...*вскоре после утверждения Шести статей и разгона монастырей...* – В Англии XVI в. Реформация, имевшая целью освобождение от власти Ватикана, началась по инициативе короля Генриха VIII (1491–1547; правил с 1509 г.) и сопровождалась секуляризацией церковно-монастырских земель. В 1536–1539 гг. в Англии повсеместно закрываются монастыри и конфискуется монастырское имущество. Принятие ортодоксального «Акта шести статей» (1539) означало проведение политики, направленной на поддержание равновесия между враждующими религиями, причем «Шесть статей» вводились с такой жестокостью, что их прозвали «кровавыми»: гонениям и преследованиям подвергались как паписты, так и слишком ревностные протестанты.

⁴ ...*в суровую протестантскую эпоху протектора Сомерсета...* – После смерти Генриха VIII в 1547 г. Эдвард Сеймур, граф Хертфорд – старший брат Джейн Сеймур, третьей жены Генриха VIII, – стал лордом-протектором Англии при несовершеннолетнем Эдуарде VI и был пожалован титулом герцога Сомерсетского. Два года являлся фактическим правителем страны и внес существенный вклад в выработку догматической основы Англиканской церкви. В 1549 г. Сомерсет был смещен с поста лорда-протектора и в 1552 г. казнен, а его титулы и владения (в том числе Сомерсет-Хаус в Лондоне) конфискованы.

⁵ ...*имена Галена и Гиппократ.* – Гален (129 – ок. 200) – один из самых знаменитых древнегреческих врачей и естествоиспытателей. Гиппократ (ок. 460 – ок. 377 до н. э.) – древнегреческий врач и мыслитель, реформатор медицины. Принадлежал к роду Асклепиадов, основателем которого был легендарный врач Асклепий (Эскулап), после смерти объявленный в Риме богом врачевания.

Летом 1551 года в Кембридже наступили трудные времена. Как никогда прежде, там распространилась эпидемия болезни, которую называли «английский пот»; болели ею, по словам Фуллера⁶, одни сутки, на вторые пациент бывал либо мертв, либо здоров. В городе от эпидемии погибло не так много народу, но затем она с внезапной лютой свирепостью накинута на Джизус-колледж. Первой жертвой стал малолетний Грегори Грондж, учащийся и хорист, живший в школе при колледже – во внешнем дворе. Ему едва сравнялось тринадцать; Энтони Ффрайар знал его в лицо. Он умер 31 июля и был погребен тем же днем на кладбище Джизус-колледжа. Похоронная служба состоялась в Капелле – ночью, как было принято в то время. В шестнадцатом веке похороны в колледже были событием довольно рядовым. Однако судьба несчастного мальчика, умершего в окружении чужих людей, не могла не тронуть даже холодное сердце Ффрайара. И испытывал он не только жалость. Сумрак в Капелле, ректор и чинный ряд членов совета на скамьях в алтаре, их капюшоны и мантии, похожие на саван, заунывные песнопения, тонкие мальчишеские голоса товарищей Грегори по хору – от всего этого на Ффрайара повеяло неизбывной жутью.

Миновало три дня, умер еще один певчий. Ворота колледжа заперли на засов и выставили стражу, с городом стали сообщаться лишь через специально назначенного посыльного. Но эти меры предосторожности ни к чему не привели, 5 августа смерть настигла учителя мальчиков, мистера Стивенсона. За ним последовал 7 августа один из младших членов совета, сэр Ставнер («сэром» он именовался благодаря степени бакалавра). На следующий день не стало ректора, доктора Рестона. Он был суровый, мрачный человек, внушавший трепет своим подчиненным. Смерть одного из магистров 9 августа заключила временно этот скорбный перечень.

Но еще прежде уstraшенный совет принял все возможные меры. 6 августа отправили по домам студентов. В тот же день покинула колледж часть членов совета. Дрожащая кучка остальных собралась 8 августа, дабы постановить, что колледж будет закрыт, пока не отступит мор. До той поры единственным его обитателем назначался местный прислужник, некий Роберт Лейкок, связываться с городом он должен был исключительно через своего сына, жившего на Джизус-лейн. Возможно, причиной такого решения стала смерть ректора: на том собрании он уже не присутствовал.

Лейкок, прозванный «хозяином», остался бы в колледже один-одинешенек, если бы Ффрайар не настоял на своем решении остаться тоже. Его исследования, обещавшие скорый результат, необходимо было продолжать во что бы то ни стало; вне лаборатории колледжа работа неминуемо бы застопорилась. Кроме того, Ффрайар был уверен, что, если эксперимент оправдает ожидания (а в этом он не сомневался), его здоровью ничто не будет угрожать. Он упивался воображаемой картиной – как он, стоя, подобно Аарону, между жизнью и смертью, победит мор⁷ при помощи всемогущего «магистерия». Но, пока этот час не наступил, Ффрайар закрылся на засов даже от Лейкока, распорядившись, чтобы тот оставлял ему еду на лестничной площадке. К одиночеству он привык и ничуть его не страшился.

Три дня Ффрайар и Лейкок жили в колледже уединенно, не общаясь даже друг с другом. Три дня Ффрайар, с головой уйдя в свои исследования, не думал о страхе, о зачумленном мире за воротами, едва вспоминал даже о скудном дневном рационе, ждавшем его за дверью. 12 августа предстоял судьбоносный для всего человечества день: труды Ффрайара должны были увенчаться триумфом, еще до полуночи он рассчитывал решить загадку «магистерия».

⁶ ...по словам Фуллера... – Томас Фуллер (1608–1661) – богослов и историк, был принят в Куинз-колледж Кембриджского университета в возрасте тринадцати лет.

⁷ ...стоя, подобно Аарону, между жизнью и смертью, победит мор... – Аарон – герой Пятикнижия, первый еврейский первосвященник, старший брат Моисея. Ср.: «И он положил курения и заступил народ; стал он между мертвыми и живыми, и поражение прекратилось» (Книга Чисел 16: 47–48).

Когда исследователь взялся за последний эксперимент, уже начали сгущаться сумерки. Работа неизбежно должна была занять несколько часов, и тут Ффрайар вспомнил, что с самого утра у него во рту не было и маковой росинки. Отодвигая засов, он рассчитывал увидеть у порога привычную порцию. Однако еды не было. Нерадивость Лейкока разозлила его, он подождал еще немного, прислушиваясь, не приближаются ли шаги. Наконец Ффрайар собрался с духом и спустился в окруженный аркадой дворик. Стал звать Лейкока, но ответа не услышал. Подумал, что нужно добраться до двери кладовой и постучать. Лейкок ночевал в кладовой, служившей ему жилищем.

Ффрайар стучался и звал Лейкока, но внутри было тихо, если не считать крысиной возни. Двинулся к окошку у решетки, рядом с которым, как он знал, стояла кровать старика, и снова стал звать. Отклика по-прежнему не было. Наконец Ффрайар решил влезть через незастекленное окно и взять еду, какая подвернется. Внутри, в непроглядном мраке, он споткнулся о небольшое возвышение и понял, что это передвижная кровать. В свете от окошка Ффрайар различил простертое тело «хозяина» Лейкока: он был мертв и уже окоченел.

Потрясенный, Ффрайар поспешил обратно в свою комнату. С экспериментом нужно было еще больше торопиться. Когда он закончится, опасность минует, можно будет отправиться в город и вызвать санитаров, чтобы увезли старика. Трясущимися руками он разжег огонь в жаровне, которой пользовался при опытах, вдвинул ее в камин и установил перегонный куб, где собирался получить «магистерий».

И сел ждать результата. Постепенно сгустились сумерки, комнату освещало только зыбкое пламя жаровни. Ффрайара лихорадило, сердце сжимала безымянная тревога; при всей уверенности в своем средстве, он предпочитал видеть в этом признаки страха, а не болезни. В колледже и вокруг, в городе, царила мертвая тишина, только булькало в перегонном кубе и время от времени били часы Капеллы, заведенные еще Лейкоком. Звук был такой, словно заговорил мертвец. Однако звон часов сулил Ффрайару, что близится время его освобождения.

Спал он или нет – не знаю. Пробудился он, явственно услышав, как часы бьют *час*. Эксперимент должен был закончиться в десять, и Ффрайар вскочил на ноги, испугавшись, как бы не произошла катастрофа. Однако все было спокойно. Огонь горел, жидкость кипела медленно, все шло пока нормально.

И снова колокол пробил один раз, помолчал и пробил еще. Ффрайар – или это ему показалось – открыл дверь и прислушался. Колокольный звон повторился. В памяти всплыла ночь похорон мальчика-хориста. Звон был не иначе как погребальный. Но по ком? С содроганием Ффрайар вспомнил о мертвом старике в кладовой.

Осторожно, ощупью Ффрайар спустился по лестнице. Ночь стояла тихая, безветренная, дворик был погружен в непроглядный мрак. На той стороне Ффрайар повернул к Капелле. За оконными панелями теплился свет. Дверь была открыта, Ффрайар вошел.

В хорошо знакомом помещении у алтарной дверцы мерцала свеча. Рядом (освещенный сзади, отчего лицо тонуло в тени) стоял звонарь в черном одеянии, который молча и сосредоточенно занимался своим печальным делом. Любопытство взяло верх над страхом, и, приближаясь к алтарной дверце, Ффрайар решительно заглянул ему в лицо. Это был «хозяин» Лейкок.

Ффрайар прошел на хоры и потихоньку приблизился к привычной скамье. В центральном проходе на возвышении покоилась фигура, окутанная черным покровом. Справа и слева от нее стояли двое певчих. На сиденьях по обе стороны Ффрайар разглядел сквозь сумрак четырех человек. Их лица скрывали капюшоны, но в высокой фигуре, занимавшей место ректора, нельзя было не узнать доктора Рестона.

Колокол смолк, началась служба. С легким удивлением Ффрайар узнал в ней католическую погребальную мессу, которая была под запретом. Торжественный интроитус⁸

⁸ ...Торжественный интроитус... – Интроитус – «введение» (гимн в начале англиканской обедни), от *лат.*

прочитал голос Рестона; в соседе Ффрайара, закутанном в капюшон и басом произносившем ответа, угадывался учитель Стивенсон. Никто из участников церемонии Ффрайара словно бы не замечал.

Мрачное действо близилось к концу. Четверка спустилась с хоров и обступила усопшего в центральном нефе. Без страха и без любопытства, угадывая уже, что предстоит увидеть, Ффрайар тоже приблизился и поднял покров, скрывавший лицо покойника. Он узрел – самого себя.

В то же мгновение четверо участников церемонии заунывными голосами завершили службу, и хористы, один за другим, загасили четыре свечи.

– *Requiem aeternam dona ci, Domine*⁹, – пропела четверка в капюшонах, и первая свеча погасла.

– *Et lux perpetua luceat ei*¹⁰, – прозвенело ответствие двух хористов, и погасла вторая.

– *Cum sanctis tuis in aeternum*¹¹, – откликнулась четверка, и свеча осталась только одна.

Ректор откинул капюшон и обратил свои жуткие глаза прямо на живого Энтони Ффрайара, простер руку над разделявшим их гробом и схватил его за плечо.

– *Cras tu eris tecum*¹², – пробормотал он, словно бы антифоном вторя погребальной песни.

С шипеньем и треском потухла последняя свеча.

Шипенье и треск, а также внезапно наступившая темнота вернули Ффрайара к действительности. Увы практическим наукам, увы славе Ффрайара, увы роду человеческому, умирающему и обреченному умирать! Сосуд с чудодейственным отваром, призванным спасти человечество, опрокинулся, содержимое вылилось на огонь. Конечно, происшедшее можно было поправить, на это хватило бы нескольких часов, но у Ффрайара их не было. Как он провел ту ночь, не ведомо никому из смертных. Все, что известно дальше о его биографии, содержится в книгах прихода Всех Святых. Если вы сумеете разыскать древний том, заполненный в 1551 году (а я не уверен, что он сохранился до наших дней), в нем обнаружится следующая запись:

Август XIII. Почившие.

Погребены на погосте Джизус-колледжа

Хозяин Лейкок

Энтони Ффрайар – от болезни

Умер ли он на самом деле от «английского пота», я не знаю. Но то, что ночью 12 августа 1551 года живой человек был отпет мертвецами, единственными своими соседями в Джизус-колледже, так же верно и неоспоримо, как все остальные факты, приведенные в рассказе об Энтони Ффрайаре.

introitus – «вход, восшествие».

⁹ Вечный покой даруй им, Господи (лат.).

¹⁰ И свет вечный да воссияет для них (лат.).

¹¹ Со святыми твоими навеки (лат.).

¹² Завтра будешь со мною (лат.).